

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ С ФИНЛЯНДИЕЙ (ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В царствование Александра I Финляндия вошла в состав Российской империи, что привело к изменению ее статуса. Она получила автономию и стала называться Великим княжеством Финляндским. По вопросу статуса Великого княжества Финляндского, в исторической литературе существуют различные точки зрения. Мы полностью согласны с мнением отечественного историка И.Н. Новиковой, которая отмечает, что «Финляндия получила статус Великого княжества (в Финляндии до вхождения в Российскую империю действовали шведские законы: «Форма правления» от 21 августа 1772 г. и «Акт соединения и безопасности» от 21 февраля и 3 апреля 1789 г. – *С.П.*) еще в конце XVI века, при шведском короле Юхане III. Однако на практике это была в большинстве своем лишь красивая декларация, не подкрепленная реальным содержанием» [1].

По мирному Фридрихсгамскому договору, заключенному в 1809 году, Швеция отказалась от своей восточной Финляндии в пользу России. Как отмечает Л.В. Суни, «обстоятельства требовали от российской власти быстрого упрочения своих позиций на присоединенной территории. Эта задача не могла быть решена лишь методами военного принуждения. Необходимо было проведение такого политического курса, который нейтрализовал бы существующее в Финляндии недоверие к российскому правлению, исключил бы превращение Финляндии в очаг сепаратизма и в конечном итоге обеспечил бы безопасность северо-западных границ в условиях приближавшегося столкновения с Францией» [2, с. 100].

Статус Великого княжества Финляндского определял государственно-правовую форму автономии в рамках Российской империи, что определялось рядом обстоятельств. Финляндия по уровню общественного развития стояла выше, чем любая из русских губерний. В России еще господствовали крепостнические отношения, тогда как в Финляндии крепостного права не было и финляндское крестьянство, равно как и городское бюргерство, представляли собой довольно активную политическую силу [3, с. 176–187].

Проведение успешной политики России на новых территориях было возможно лишь при условии, что «население княжества получило бы не меньше, а больше прав и привилегий, чем оно имело при шведском господстве» [1]. Исходя из этого положения, российская администрация позволила Великому княжеству Финляндскому иметь в политической структуре свой законодательный орган – Сейм; собственную исполнительную власть – Императорский финляндский Сенат. По требованию Александра I все дела, касающиеся Великого княжества Финляндского, должны были докладываться ему напрямую, минуя российские министерства. С этой целью была учреждена Комиссия по финляндским делам, реорганизованная позднее в Комитет по финляндским делам. В 1826 г. Комитет был переименован в Статс-секретариат Великого княжества Финляндского во главе с министром статс-секретарем. Эту должность занимали финны. Можно полностью согласиться с мнением И.Н. Новиковой, что «Россия целое столетие предпочитала смотреть на финляндские дела через финляндские очки» [4, с. 131].

По вопросу взаимоотношений царской России и Великого княжества Финляндского в работах российских ученых XIX века преобладает имперская концепция. Эта концепция утвердилась в эпоху Петра I, суть которой сводилась к тому, что Россия – это наследственное «имение», вотчина царя, которая должна управляться и функционировать как частное владение. Государство

рассматривалось как политический и социальный институт, отдельный от персоны правителя, со своими задачами и проблемами.

В основе доктрины российского абсолютизма было положено теологическое обоснование царской власти. В принятых законодательных актах утверждалось, что император Всероссийский является монархом самодержавным и неограниченным. И власть его основана на «божественное поручение», а повиноваться ему следует не на страх, а за совесть, так повелевает сам Господь Бог. Особенностью петровских реформ было то, что в них помимо Бога были ссылки на «общее благо».

Идея «общего блага», «всенародной пользы» была характерна для всех абсолютных монархий того времени. Только монархи знали, что нужно их подданным и стране в целом. Концепция просвещенного абсолютизма строилась на высокомерном и презрительном отношении к народу, что предопределяло политику в отношении национальных окраин царской России. «Автономный статус Финляндии обычно интерпретировался в тех же категориях, что положение Польши. Автономия как нечто дарованное императором – великим князем, а, следовательно, отнюдь не самоочевидное. Этим объясняется в частности тот факт, что на практике, вплоть до времени появления так называемого «финляндского вопроса», не наблюдалось сколько-нибудь заметного подлинно академического, лишенного утилитарного подтекста, интереса к особенностям финляндского законодательства, административного устройства, то есть наследию шведских времен» [5].

В этой связи следует обратиться к концептуальной разработке А.А. Ирхина, который анализирует особенности развития так называемых «Больших имперских пространств – Западного и Восточного» [6]. Согласно данному взгляду, образование национальной империи на основе общности языка, религиозных традиций и национальной близости и распространение своей власти в заморских колониях – свойственно западному типу Большого имперского пространства. Восточный тип Большого имперского пространства

образуется на основе исторического опыта Византийской, Османской и частично Российской империи (до реформ Петра I) [6]. Характеризуя различия между Западным и Восточным типами Больших пространств, А.А. Ирхин, отмечает, что в империи Западного (колониального) типа «метрополия всячески оберегает себя от ассимиляции. Метрополия не впитывает в себя большие пласты покоренных культур, а усваивает минимально необходимое для налаживания долгосрочной коммуникации с колониями на уровне элит и ведения максимально непропорциональной торговли и других видов обмена» [6]. В империи Восточного типа развивается, прежде всего, имперский центр, а укрепление приграничных районов происходит по причинам, среди которых А.А. Ирхин выделяет:

«во-первых, окраины должны быть заинтересованы в нахождении в имперской системе. Они наиболее близко находятся к промежуточным пространствам и, следовательно, конкурирующему имперскому центру;

во-вторых, их геополитическое положение должно предполагать обладание высоким уровнем устойчивости с целью защиты имперского центра в качестве защитного сегмента Большого пространства. При этом такое развитие отрицает национальную проблему между центром и периферией» [6]. Для Восточного типа, культурная и национальная ассимиляция не была характерна и в отличие от Западного. Напротив, происходил процесс «объединения множественности», когда «происходит взаимное обогащение культур на основе культурного обмена, смешанных браков и т. д.» [6].

Практика вовлечения Финляндии в орбиту имперского управления России носила сложный характер и не всегда укладывалась в рамки Западного или Восточного типа имперского развития. Как справедливо отмечает И.Н. Новикова, «имперский федерализм, выразившийся в предоставлении Финляндии широкого самоуправления, кооперация с местной элитой, толерантность в вопросах веры и территориальные уступки обеспечили на

протяжении практически столетия верноподданность финляндцев по отношению к российскому самодержавию» [1]. Политический статус Финляндии внутри России также воспринимался весьма благожелательно, по мнению К. Корхонена: «Автономия Финляндии, её особый статус внутри России не вызывал у российских властей и основной части политических мыслителей ни недовольства, ни возражений, и мало кто в те времена обнаруживал в нём хотя бы намёк на угрозу для целостности России» [7, р. 26], и далее констатирует, «во время правления Николая I Финляндия, в особенности в политическом смысле, была главным образом забыта русским общественным мнением» [7, р. 42].

Присоединение Финляндии к России активизировало процесс становления финляндской нации, что нашло отражение в известном изречении А.И. Арвидссона: «Мы не шведы, русскими стать не хотим, так будем же финнами». В царствование Александра II Финляндия добилась наибольших успехов в развитии государственных институтов и самоидентификации финнов. По определению А. Каппелера, «финны, бывшие в начале XIX века «малой» или «молодой» нацией, почти поголовно состоящей из крестьян и не имеющей собственной элиты, к началу XX века «имели все предпосылки и основания для формирования современной нации» [8, с. 161–164].

Финляндия в XIX веке имела многие государственные атрибуты: законодательную и исполнительную власть, свою национальную валюту, таможенную службу на границе с метрополией, свою почту, а с 1878 года – свои войска. Финский язык получил статус государственного языка в 1880-х годах. Экономическое развитие Финляндии шло быстрыми темпами, что привело к заметному росту её благосостояния. Нельзя не согласиться с выводом М.А. Витухновской о том, что «положение Финляндии внутри Российской империи оказалось, таким образом, совершенно исключительным – и не только в масштабах самой империи, но и в сравнении с устройством других многонациональных государств» [9, с. 90].

У Финляндии появилась возможность провести модернизацию своей экономики и социальной сферы в соответствие с европейскими либеральными моделями, что давало возможность сформировать демократические основы государственности. Однако сама Россия, как справедливо отмечает Р. Суни, «заметно отставала в области экономической и ещё более – в области создания демократических и просветительских институтов. Более того, при Александре III контрреформы уничтожали те ростки либерализации и демократизации, которые существовали в конце царствования Александра II. Противоречия между метрополией и окраиной нарастали и приводили к дестабилизации империи. <...> Сохранение автократического типа правления наряду с проведением конституционных или либерально-демократических реформ в отдельных регионах оказалось сильнейшим дестабилизирующим фактором» [10, с. 23].

Такое положение Великого княжества Финляндского служило постоянной причиной внутренних разногласий в правящих кругах Российской империи. Даже появилось политическое понятие – «финляндский вопрос», включавший в себя круг проблем: идеологических, политических, экономических, правовых и др.

Политическое решение «финляндского вопроса» связывалось с деятельностью генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрíkова, стоявшего на консервативно-националистических позициях. Период, получивший в истории Финляндии название «первого периода угнетения». Он связан с Манифестом от 3 (15) февраля 1899 года, по которому российскому правительству предоставлялось право издавать для княжества законы, без одобрения финляндского сейма. Одновременно вводилось два закона: о введении русского языка в делопроизводство в центральных учреждениях Финляндии (1900 г.) и о воинской повинности (1901 г.), согласно которому финские войска упразднялись, а жителям княжества предписывалось служить в российских войсках. Так же было принято и несколько постановлений, очень чувствительных для финляндцев. С 23 июля

1899 года было запрещено хождение финских почтовых марок с гербом Финляндии – львом, и чуть позже – запрещение вообще использовать герб Финляндии на почтовых отправлениях.

«Финляндский вопрос» рассматривался российским руководством как вопрос финляндского сепаратизма, который может оказать губительное воздействие на другие части империи. Понятие «сепаратизм» толковалось российской и финляндской стороной по-разному. Финляндцы не требовали расширения автономных привилегий, но активно отстаивали их неприкосновенность, что, по терминологии А. Орриджа и К. Вильямса, можно назвать как «автономистский национализм» [11, р. 24, 29, 32]. Во второй половине XIX века российские правящие круги крайне опасались националистических тенденций в Финляндии, рассматривая их как сепаратистские, ведущие к выходу из состава империи [12, с. 195].

Ряд российских ученых рассматривали возникшее напряжение в отношениях России и Финляндии как следствие активного процесса национального строительства финляндского народа. В.П. Семенов-Тянь-Шанский обратил внимание на особенности финляндского мироощущения на рубеже веков, заметив, что у молодой финляндской нации инстинкт самосохранения своих традиций и культуры был доведен «до болезненных форм». «Типичным примером психологии малого народа может служить «очень легкий переход законной гордости за свои традиции и культуру в националистическое самомнение и нежелание соблюдать умеренность в отношениях с империей» [13, с. 57]. Один из российских исследователей Финляндии начала XX века, Н.Каменский отмечал, что многое в отношениях финнов к русским вызывало недоумение. «Например, излагая прошлое Финляндии, учебники истории освещали все события со шведской точки зрения, сожалея о неудачах Швеции и радуясь ее успехам. Россия же всегда была представлена в невыгодном освещении. Все успехи русских объяснялись или случаем или подкупом» [14 с. 26–27]. В этом смысле нельзя не согласиться с точкой зрения финского исследователя

Т. Полвинена, который отмечал, что «националистическое чванство» отнюдь не является привилегией одних только великих держав» [15].

Как отмечает И.Н. Новикова, «отсутствие умеренности в высказываниях лидеров финляндского национального движения, нарочитый акцент на особой финляндской государственности давали повод российским чиновникам интерпретировать естественное стремление малого народа к обособлению, желание сохранить свои особые права и привилегии, как преступный сепаратизм. Не случайно в конце XIX в. среди правящей элиты империи все яснее звучало требование «вторичного завоевания» Финляндии, включавшее в себя постепенную ликвидацию автономных привилегий княжества» [1; 12, с. 197].

Царствование Николая II характеризовалось усилением националистического курса в государственном управлении, это вело к укреплению самодержавного режима и значительно повлияло на политику России в отношении автономных прав Финляндии. Стремление укрепить правовые основы имперского правления, полностью подчинить Финляндию российским законам, было связано и со сложившейся международной обстановкой в Европе. В этом политико-правовом контексте «финляндский вопрос» представлял собой столкновение двух позиций: сторонников теории «инкорпорированной провинции» (Н.И. Бобриков, В.К. Плеве, А.Н. Куропаткин) и финляндских сторонников теории «особого финляндского государства» (Л. Мехелин, Р. Германсон, Ю. Вуолле-Апиала).

Начало XX века характеризовалось всплеском финляндского национализма: 16 июня 1904 года Н.И. Бобриков был смертельно ранен в сенате финляндским чиновником Э. Шауманом. События 1905 года в России оказали существенное влияние на решение «финляндского вопроса». В 1906 году на основе ноябрьского Манифеста в Финляндии сформировалась самая радикальная в Европе того времени представительная система: однопалатный парламент. Он

формировался на основе всеобщего и равного избирательного права. Впервые в мире женщины получили право избирать и быть избранными. Теория «особого финляндского государства» получила определенное практическое подтверждение.

В правящих кругах России усиление автономного положения Финляндии вызывало тревогу. С одной стороны, националистические настроения в Финляндии ухудшали взаимоотношения с Россией, а с другой – шел процесс усиления взаимоотношений Финляндии с Германией, что ставило вопрос о безопасности России. Все это привело в 1908–1917 годах к попытке ограничить автономные права Финляндии. В финской печати эти годы получили название: «вторым периодом угнетения». Политику имперских властей России можно определить как «русификация».

Решение «финляндского вопроса» во многом определялось экономическими действиями российских предпринимателей с целью, предоставления отечественному капиталу режима наибольшего благоприятствования в Финляндии, для вытеснения германских конкурентов. Для этого должны были вступить меры юридического и политического характера, призванные постепенно ликвидировать финляндскую автономию. Поэтому решение «финляндского вопроса» имело целью – добиться вытеснения с финского рынка иностранных конкурентов и обеспечить господствующее положение на нем российским экспортерам [4, с. 136].

Решение «финляндского вопроса» в большой степени зависело от безопасности российской столицы. «В 1898 г. германский рейхстаг одобрил Программу строительства военно-морского флота. Германия начала строить свой большой военный флот непосредственно в Балтийском море, в Кильской гавани. Финляндия с ее длинными побережьями слишком ясно стала превращаться в потенциальный плацдарм для нападения» [1]. «Финляндский вопрос» стал одним из важнейших во внешнеполитической линии российского правительства.

В 1908 году Дума приняла новый порядок представления финляндских дел, если раньше все вопросы поступали напрямую от генерал-губернатора к царю, то теперь они шли в Совет министров, который давал по финским делам заключение. С точки зрения финляндцев, этот порядок лишал их персональной унии с Россией и низводил Финляндию на положение одной из российских провинций. Особый русско-финляндский комитет предложил, все законы, касающиеся Финляндии, принимать в России, это сводило роль финского парламента к чисто совещательной. С 1908 до 1914 годов был принят ряд законов, направленных против автономии Финляндии. В 1914 году на рассмотрение царя поступила программа мер, получившая название «программа русификации». По мнению И.М. Соломеща, «генеральная линия на уничтожение автономных институтов княжества сохранялась», однако «война поставила царское правительство перед необходимостью решать более неотложные задачи, чем пересмотр финляндского законодательства. Программа 1914 г. осталась лишь демонстрацией настроений царизма и его политическим ориентиром» [16, с. 18].

Можно сделать вывод: за вековой период вхождения Финляндии в Российскую империю произошел стремительный процесс роста национального самосознания финляндского народа. Результатом стало появление политико-правового кризиса, получившего название «финляндский вопрос». События 1917 года привели к независимости Финляндии, что, по сути, означало окончательное решение «финляндского вопроса».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века — http://www.vbrg.ru/articles/referaty_otnoshenie_rossii_i_finlandii/problema_gosudarstvenno-pravovogo_statusa_finlandii_v_rossijskofinljandskikh_otnoshenijakh_xix_veka/.

2. **Суни Л.В.** О месте Финляндии в военно-стратегических планах царизма в 80-е гг. XIX в. // Скандинавский сборник. Вып. 21. 1976, Таллинн: Ээсти Раамат. С. 90-105.
3. **Корнилов В.А.** К истории политического устройства Великого княжества Финляндского в 1809 г. // Ученые записки МГПИ. 1971. Т. 439. С. 176–187.
4. **Новикова И.Н.** Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX начало XX века): Сб. науч. ст. [По материалам межрегион. семинара "Регион. процессы в император. России"]. М.: МОНФ, 1997. 237 с.
5. **Соломещ И.М.** От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей / под науч. ред. А.Н. Цамутали, О.П. Илюха, Г.М. Коваленко. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004 (Сер. «Научные доклады»: Вып. 1). С.143–153.
6. **Ирхин А.А.** Большие пространства Евразии: типология, виды модернизации, моделирование будущего развития.– <http://rusprostranstvo.com/article/view/350>
7. **Korhonen K.** Autonomous Finland in the political thought of nineteenth century Russia. Turku: Turun yliopisto, 1967. 126 S.
8. **Каппелер А.** Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 343 с.
9. **Витухновская М.А.** Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей / Под науч. ред. А.Н. Цамутали, О.П. Илюха, Г.М. Коваленко. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004 (Серия «Научные доклады»: Вып. 1). С.89–142.
10. **Суни Р.** Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 9-73.
11. **Orride A., Williams C.** Autonomist Nationalism: A Theoretical Framework for Spatial Variations in its Genesis and Development // Political Geography Quarterly 1. (1982). P. 20–34.
12. **Погодин С.Н., Саблина М.А.** Российско-финляндские отношения в последней трети XIX века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2012 – № 1 (143). – С. 195–198.
13. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** Финляндия. Пг.: Огни, 1918. 81с.
14. **Каменский Н.** Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. К финляндскому вопросу в Гос. Думе. СПб.: Тип. Глав.упр. уделов, 1908. 65 с.
15. **Полвинен Т.** Держава и окраина. Н.И. Бобриков генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997. 319 с.
16. **Соломещ И.М.** Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. 89 с.